

18+

НА
СБОРНИК
РАЙ
РАССКАЗОВ
ОНЕ

РЕГИНА СОБОЛЕВА

Регина Соболева

На районе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710467

ISBN 9785006057906

Аннотация

Этой книгой прощаюсь и отпускаю детство и юношество. Кончено. Впрочем, невозможно забыть, кто ты и откуда. В каких районах проходили дни, когда качели опасно пролетали над головой, горки страшно возвышались перед тобой, друзья всегда оставались рядом и не было ничего чудеснее сказок на ночь. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

НА РАЙОНЕ	5
РАЙ	6
Три алжирских вилайета	6
В Айн-Сефре снова выпал снег	7
Тетя Крыса	16
Аби	21
Две татарские притчи	27
В электричке	28
Не от мира сего	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

На районе

Регина Соболева

Дизайнер обложки Регина Соболева

Фотограф Регина Соболева

Редактор Регина Соболева

Корректор Борис Панкин

© Регина Соболева, 2023

© Регина Соболева, дизайн обложки, 2023

© Регина Соболева, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5790-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НА РАЙОНЕ
сборник рассказов

**РАЙ
ОН**

Три алжирских вилайета

В Айн-Сефре снова выпал снег

Недавно мать выкрасила кухню в белый цвет. Отец долго ругался.

«Все и так было хорошо», – говорил он. «А стало лучше», – отвечала мама.

Под их пикировку просыпаюсь вот уже двадцать с лишним лет. И не то чтобы привык и надоело, но привык, и надоело, и с радостью послушал бы что-нибудь другое. Но если родители спорят, но довольны – кто я такой, чтобы желать большего?

Теперь кухня – самое светлое помещение в доме. Мама с удовольствием оглядывается вокруг, а потом смотрит в окно с не меньшим энтузиазмом. Говорит всем видом: «Да, я начала с кухни, но не остановлюсь, пока весь мир не станет белым!» Отец ворчит из своего кабинета что-то о дорогой краске и постоянных переменах, к которым никто и привыкнуть-то не успевает. А мама ахает. Это триумф победителя? Восторг чемпиона? Окно слепит белым. И мне кажется, что белого уже слишком много.

– Снег пошел, сынок.

Мама улыбается. Хотя каждый в нашем городе знает: снег – это редкость и всегда к неприятностям. В северной части Алжира иногда выпадает. И если уж так происходит, снега достаточно много, чтобы завалить дороги напрочь, вы-

звать большие заторы. Только армейские подразделения как-то помогают справиться с заносами и беспорядками. А дети, конечно, радуются. Катаются на санках, лепят снеговиков.

В нашем городе снега не видали уже очень давно. На моей памяти – ни разу. Так что не знаю, есть ли у кого-нибудь ледянки и санки, умеет ли кто-нибудь лепить снеговика.

Завтракаю увлеченно. Что мне тот снег – планы мои он не поменяет. Надо корпеть над диссером. Сколько можно откладывать? А снег... ну, в интернете его полно!

Мама все смотрит в окно и улыбается, потом вздыхает, ее улыбка слегка меняется. Как будто то, что она вдруг вспомнила, и печально и радостно одновременно.

– Помнишь, Ибрагим, я рассказывала про твоего дядю? Мы были с ним совсем маленькие, когда впервые увидели снег в Айн-Сефре.

– А через месяц он умер. Я знаю, мам.

– Я не говорила, но в тот день мы в последний раз гуляли вместе. Потом он больше не выходил на улицу. Твои бабушка и дедушка до сих пор не хотят говорить об этом. Не знаю, что произошло. Мой младший братик заболел, становился все меньше и меньше... пока совсем не исчез. Но в тот день было белым-бело, светло и прекрасно в мире. И не было для нас ничего невозможного. Любая цель казалась достижимой. Любая игра удавалась. И уснули мы с ощущением безграничного счастья.

– Мам, не вспоминай, ты ведь расстроишься.

– Не расстроюсь. Это жизнь, ибни. День радости краток. Белые дни стоят рядом с черными днями. Иногда так же близко, как мы с тобой сейчас. Когда-нибудь ты поймешь.

Она еще немного помолчала и потом произнесла своим специальным заговорщицким тоном:

– А не пойти ли тебе к сайиде Нафисе, м? Я обещала передать ей одну книгу...

Мама побежала в отцовский кабинет, уверен, за первой попавшейся книгой. Маленький хитрый ход. Они с тетей Нафисой уже два года активно занимаются сводничеством. Я мог бы в который раз начать разговор начистоту, настоять, что не собираюсь жениться, пока не встану на ноги и не закончу аспирантуру. В Америке люди и в тридцать-сорок лет женятся, никто не считает это странным. Но знаю, что ответит мама... в который раз. Какой ей прок в красивом и умном сыне, если у нее нет красивого и умного внука или еще более красивой и самой умной внучки? И какое ей дело до того, что происходит в Америке, если мы живем в Айн-Сефре и она хочет внуков? Железный аргумент. Побить его не смогут даже самые красивые и самые умные сыновья на свете. «Я же не прошу много, ибни, присмотришься к Зейнаб, вы ведь так дружили в детстве. Разве же она плохая девушка?» – так обычно заканчиваются наши споры. Так что с некоторых пор я – молчаливая и покорная жертва заговора. В конце концов, не поженят же нас насильно, ведь так? Запыхавшаяся мама радостно вручает мне анатомический

справочник и выпроваживает на улицу. Пришлось вернуться в комнату за теплой курткой. Давненько не носил. Со времен учебы в России по обмену, еще в студенческие годы. Жуткая зеленая куртка, делающая меня похожим на принца-лягушку, запрятана в самую глубину шкафа.

Успеваю только откопать ее, сунуть книгу во внутренний карман (благо он огромный), как раздается:

– Иди-иди, передавай привет подруге.

Город у нас небольшой, идти в любом случае недалеко, хотя и мимо всех наших достопримечательностей – мимо мечети и через парк. Да, это все. Но на улице уже метет. Это такой противный, пронизывающий ветер, гонящий мелкую снежную крупу (будто мать непутевого сына). Так что впереди очертания дорог и тротуаров кажутся размытыми и белыми, как все на свете. Вспоминаю снова московский университет и февральский путь до общаги. Жуткий холод, ощущение абсолютной потерянности и веселый азарт: куда приведет приключение? В пустыне, например, легко потеряться, увидеть то, чего не существует, обмануться и понадеяться, устремиться и разочароваться. Так и метель. Все зыбко, изменчиво, не разобрать, куда путь держишь, не понять, что на самом деле тебе нужно. Кто бы вывел меня из моей пустыни? Кто-нибудь?!

В парке тоже пусто. Наперекор всем ожиданиям дети не резвятся в снегу, не строят крепости, не устраивают битвы снежками. Тихо, только со стороны осушенного фонтана

раздается негромкий плач. Едва-едва различимый. Будто заблудившийся котенок зовет маму кошку. Душераздирающе. Подхожу ближе – на скамейке возле самой крупной пальмы сидит ребенок, может быть, лет пяти. Он в легкой одежде, замерз и испуган, обессилел от собственного плача в полном одиночестве. В первый раз его вижу. А ведь в нашем городке все знают всех. Что же случилось?

– Ты чего плачешь, малой? Потерялся?

Мальчик поднимает на меня заплаканные глаза и тихо говорит:

– Ты кто?

– Я Ибрагим. Живу тут недалеко.

– И я Ибрагим.

– Ты откуда, тезка? – улыбаюсь, подхожу еще ближе.

– Отсюда... наверное. Я не помню.

– Как же так? Разве можно не знать, здешний ты или нет?

– Мне холодно.

Стягиваю куртку и укутываю малыша. Я потерплю, а паренек тут, похоже, давно мерзнет.

– Лучше?

– Холодно.

– Что же с тобой делать?

Искать родителей. Что же еще? Но проблема в том, что мальчик ничего не может толком рассказать о своих родных. И уж совершенно точно не знает, что произошло, как он оказался совсем один в заснеженном парке маленького алжир-

ского города – далеко от сердца, далеко от глаз. Только повторяет: «Холодно... устал... Где я?» Думаю: «Отведу к тебе Нафисе – к ней ближе, а там решим». Паренек утопает в моей зеленой куртке. Только сейчас замечаю, как он похож на меня в детстве. Большие удивленные черные глаза, кудряшки, родинка на носу. Ерунда какая-то.

– Ибрагим, пойдем, я отведу тебя в теплый дом к одной очень доброй тетеньке. Там ты согреешься, накормим тебя и начнем искать твоих маму и папу, а?

– Мне нельзя.

– Что значит «нельзя»? Родители сказали ждать здесь?

– Нет. Просто нельзя.

– Ну, глупости, – говорю прямо как моя мама.

Но она бы знала, что делать. А я только беспомощно смотрю в эти большие знакомые глаза.

– Ничего не глупости, я не глупый. Айше говорит, я очень умный. А ей семь, и она все понимает.

– Айше – твоя сестра?

Откуда-то точно знаю, что да, сестра. Мальчишка кивает. И я усаживаюсь в снег, голову ломит от боли и еще больше от нелепости происходящего.

– Пойдем со мной, – все-таки пытаюсь выманить мальчика в тепло чужого дома, чтобы там, под электрическим светом, вне ошалелости этой белой пустыни, удостовериться: я в своем уме.

– Не-а!

Паренек шагает назад, натывается на скамейку и быстро-быстро проползает под ней. Кидаюсь следом, но за скамейкой уже никого нет. Только в снегу лежит моя куртка, холодной зеленой кучкой. А мальчика и след простыл.

Смотрю под скамьей, обхожу деревья, потом уже остервенело бегаю по парку, кричу, как дурак:

– Ибрагим! Ибрагим!

На третьем круге наконец доходит: снежная пустыня играет со мной. Выбираюсь из парка. Тут уже рукой подать. Тетя Нафиса счастлива видеть меня. Отдаю книгу, тете хватает выдержки не выказать удивления. Анатомический справочник приземляется на тумбу в прихожей – и останется там, подозреваю, на веки вечные.

– Ох, как крутит, как крутит! Так уж никто из наших детей на улицу не пускает. Пусть снежок-то осядет. Вот тогда и погулять будет можно. Правильно говорю?

В прихожей топчется и Зейнаб. Смотрит на меня, потом на маму и закатывает глаза. Улыбаюсь.

Когда мы остаемся одни, спрашивает:

– А ты чего с курткой в руках пришел? Холодно же.

– Да снял возле дома, – вру я.

– Понятно.

Зейнаб ничуть мне не верит, но не допытывается. Она и в детстве в душу никому никогда не лезла. Потому мы дружили. Это была спокойная, молчаливая дружба, о которой не жалею, по которой скучаю.

– Все-таки допекла тебя тетя Айше, да? – подкалывает меня Зейнаб.

– Да, мама хорошо знает, чего хочет, – отвечаю, ничуть не обидевшись.

– А ты знаешь?

Вспоминаю про мальчишку, замерзавшего в снегу. И не могу выдавить из себя ни слова. Что со мной происходит? Чего я хочу? Мы сидим с Зейнаб молча в гостиной. И нам не нужны слова.

Когда метель успокаивается, я собираюсь домой.

Подруга провожает меня, а на пороге говорит:

– Я скучаю по нашей дружбе, Ибрагим. Ты можешь приходить к нам, как в детстве. Ничего не изменилось, ты же знаешь.

И это действительно то, что я знаю совершенно точно. Моя отправная точка, моя опора.

– Я приду.

Вечером на обновленной белой кухне нашего теплого, счастливого дома спрашиваю у мамы:

– Моего дядю звали Ибрагим и у него на носу была родинка, совсем как у меня?

От неожиданности мама садится на скамью возле обеденного стола. Мы всегда усаживаемся, когда огорошены и удивлены, – это семейное.

– Откуда ты знаешь? Я не рассказывала, – качает головой, потом добавляет, как будто очнувшись: – В старом альбоме

посмотрел? Да, в детстве ты был очень похож на своего дядю.

Пока мама улыбается, я начинаю понимать, почему бабушка всегда любила меня больше всех остальных внуков, а дедушка часто загадочно молчал.

– Мам, и какой сегодня день, черный или белый, а?

Мама смотрит в окно и молчит.

Тетя Крыса

Всякий раз, когда собираюсь в родительский дом в оазисе Джельфа, вижу бело-песчаные домики, представляю, как встретит меня отец, усмехаясь из-под пышных усов, как встретит мать и какими причитаниями. Младшие брат и сестра бросятся ко мне и начнут кричать: «Карим приехал!» Солнце будет припекать. Ветер дуть. Отец укажет на дверь дома, и мы все вместе пройдем внутрь. В темноте коридора я поцелую руку матери. Может, потреплю малыша Мансура по волосам. И заноеет что-то, и захочется прижаться к зернистой прохладной стене, чтобы прикрыть глаза на минуту и вспоминать, вспоминать. И ты когда-нибудь почувствуешь это, мой маленький Али. Так что держи глаза широко открытыми, не закрывай уши руками, будь внимательным и чутким. Запоминай. Все проходит. И проходит быстро.

Не скажу, что очень счастливым было мое детство. Шесть братьев и сестер. И на всех у матери не хватало сил и времени. Жаловаться, впрочем, не могу. Мы с друзьями дурачились порою так, что хоть домой не приходи. И плоды граната воровали в доме богатого дяди Заида, и в озере купались, в том, на дне которого растут острые каменные иглы. А однажды подарил мне старший брат крысенка. Уж не знаю, где он его нашел. Тот был маленький, беспомощный, отвратительный розовый комочек, но мне понравился, ибо что я

тогда знал об играх и игрушках? Самой любимой моей игрушкой был камешек с дырочкой, который я во дворе нашел. А тут живое – копошится, ползает по руке, тычется мокрым носом, ищет мамку, что ли, усиками щекочет. Забавно.

И видел это приятель мой. Мальчик из богатой большой семьи. Глупый он был, жадный. Сразу просить стал: «Карим, отдай мне крысенка!» «Еще чего!» – отвечал я. Отдать крысенка! Как же расстаться с таким милым существом? Но не унимался тот мальчик и просил все настойчивее и настойчивее. А потом стал деньги предлагать за крысенка. Была у меня эта слабость в детстве – больше всего на свете любил я деньги, желал денег, молился на них. Наверное, потому что не было их у меня. А ведь всегда безумно хочется иметь то, что тебе никак не может быть доступно. А потому подумал я о предложении моего приятеля немного и согласился. Тот не поскупился, большую цену назначил. Целую тысячу динаров. А где такие деньги взять пацану? Конечно, у своего богатого папаши стащил! Но не приходилось мне тогда над тонкостями раздумывать.

На следующее утро пришел он ко мне и деньги притащил, а я ему крысенка в старой шляпе отдал. Тот обрадовался. Вот дурачина. И к себе побежал. Да зачем же крысенка покупать, ежели в любом амбаре их хоть ведром черпай?! Но глупый он был, глупый.

А я оделся тут же покрасивее и в город побежал – деньги тратить. Чувствовал, что ли: деньги, доставшиеся таким об-

разом, долго не продержатся в кармане. К середине дня почти половину потратил. На сласти, на развлечения всякие... И вот уже не знаю, куда остальные деньги девать. Сажу в парке на скамейке, палочкой по песку вычерчиваю. А тут смотрю – папа мой ко мне идет. Нашел как-то. Серьезный такой. Испугался я, вспомнил про крысенка. Думаю: «Что-то сейчас будет».

Отец просто подсаживается ко мне и тихо произносит:

– Плачет жена моя, убивается, сын. Говорит мне, что ты своего брата продал за тысячу динаров незнакомому мальчику.

– Про какую жену ты говоришь, папа?

– Про вторую мою жену, твою тетю крысу. Ты ли не отнял у нее крысенка, сынка ее? Ты ли не продал его мальчику за тысячу динаров?

И смотрю я на отца такими вот круглыми глазами, прямо как ты на меня сейчас, Али. И понять не могу, как это можно быть женатым на крысе, да еще быть отцом крысенка.

«Шутит отец мой, что ли?» – думаю про себя. А сам боюсь на него глаза поднять, вдруг сердится. А потом смотрю – нет. Отец мой спокойно и так чуть печально рассказывает про свою вторую жену – и про то, какая она умница, и как вкусно курицу готовит, и как за всеми делами в амбаре следит прилежно. Уж я и не знал, что думать.

А потом говорю:

– Вот, отец, возьми. Все, что у меня осталось. Пятьсот ди-

наров. Нет у меня ничего больше. Потратил.

И стыжусь, и голову низко опускаю.

Отец деньги взял и молча ушел.

Оказалось потом, папаша того глупого и жадного мальчишка пришел к нам в дом и устроил скандал. Ибо сын его деньги украл из секретного шкафчика и на меня указал, что крысу на те деньги купил. Карим, мол, подбил. Пыжится богатый человек, пыжится, горячится. А отец мой усмехается: «Ну и дурака же ты себе в наследники вырастил! Крысу за такие деньги покупать – да где это слыхано?!» И нечего ответить-то. Дело отец говорит. А только деньги все равно вернуть надо. Вот и придумал он посмеяться надо мной и отвадить людей обманывать.

Понял я, что меня самого надули, да поздно.

«Ну, – думаю, – отомстить надо».

Вернулся домой и сразу же на задний двор побежал, подхожу к амбару да неслышно проскальзываю. Сижусь без света, выжидаю. Тут мимо меня что-то как прошебуршит! Тихо так. И хвостом задело. Ну я – хватить! И вот уже большая взрослая крыса у меня в руках. Не впервой такие охоты устраивать. Оглядел, вижу – красotka. Хоть сейчас женись! И ташу ее в дом. Отец мой в большой комнате чай пил, так я ему эту крысу и показал. За хвост держу. Она лапами перебирает, зубами щелкает, пищит, а никуда не деться.

– Отец, тебе твоя жена просит передать, чтобы ты на ужин не опаздывал!

Да, Али. Смешно было. Мы теперь, когда вместе собираемся, вспоминаем это. «Эй, Карим, а помнишь, как ты своего брата за тысячу динаров продал?» – «Отец, а помнишь свою жену с хвостом и шерстью?»»

Аби

Моя сестра долго собиралась к никаху – свадебному обряду. Мы все хотели продлить сборы, отодвигали тот момент, когда семья, в праздничных ярких одеждах, но с печальными лицами, выйдет на улицу. Я тогда маленький был, но все хорошо помню. Фатима – так зовут старшую сестру, она в тот день выходила замуж по сговору отцов двух семейств – очень старалась не плакать. Потому лицо ее делалось строгим. И это меня пугало. Никогда раньше не видел, чтобы Фатима – милая добрая Фатима – глядела на нас, своих родных и близких, так, словно мы чужие ей или даже враги. Моей старшей сестре только-только исполнилось шестнадцать лет.

Каждая семья несчастна по-своему. Так, кажется, говорят русские. Несчастье нашей семьи – мой отец. Человек строгий и несправедливый. Если вы думаете, что религиозная строгость соседствует с милосердием и справедливостью, вы не видали Халима, чьим отцом был Аджвад. Мой отец никак не кроткий, а мой дед никогда не был щедрым.

Наступал день траура в нашей семье. Помолвка Фатимы стала для всех сюрпризом. Она не была готова к замужеству, да и жених ей нисколько не понравился. Она умоляла отца хотя бы отложить свадьбу, но он был непреклонен.

– Ты позоришь меня перед уважаемым Зауром! Что поду-

мают родственники твоего будущего мужа обо мне? Я что, не человек своего слова? Все уже решено. Твой жених вы- платил за тебя большой махр. Он может позволить себе тебя. Фатиха состоялась, не смей рыдать!

Фатима долго плакала в своей комнате, и никто не решал- ся пойти утешить ее.

На следующий день мать отдала Фатиму подруге. Та долж- на была запереть мою сестру на гаваш, сокрушаясь, что де- вочка такая бледная и худая. Таков обычай. Наша семья на отцову половину берберская. Варварские пустынные обы- чаи отец привез в город с собой. Почти месяц провела Фа- тима в одиночестве. Я не смог бы даже слово ей сказать. Много еще предстояло пережить ей предсвадебных цере- моний – ярких, праздничных, веселых. Все наши девушки с детства мечтают об этом торжестве. Выйти замуж и наро- жать много мальчиков – вот о чем должны думать красави- цы. Но не этого хотела Фатима. Отец сетовал, что мать разре- шала ей читать слишком много и девочка захотела учиться. Уехать от присмотра? А вдруг какой-нибудь шалопай на ули- це крикнет вслед что-нибудь дерзкое? И речи быть не мо- жет! Совсем скоро нашей светлокожей любимице заприме- тили богатого жениха из уважаемой семьи... Заур – дурац- кое имя.

В самый страшный день, когда мать помогала Фатиме на- деть берберскую свадебную абайю, сестра вдруг поджала гу- бы и сморщилась. Ее прелестные брови опустились, а глаза

стали еще темнее, чем были. Спелые вишни превратились в угольки. Мать, сестра матери, вторая жена отца и все мои сестры столпились в комнате. Я пробрался к ним, хотя это было строго запрещено, бросился к сестре, прижался к ее коленям и первым заплакал. Через несколько секунд мы все рыдали в голос. Это я запомню на всю жизнь.

Надо было еще вытерпеть обряд чтения четвертой суры Корана нашим муллой. А потом праздник, когда посторонние женщины будут шептать на ухо советы и оценивать каждый твой жест. Все должно быть идеально. Честь семьи не может быть запятнана.

Фатима вела себя хорошо, уж поверьте мне. Именно тогда я понял, что наш отец – плохой человек. Разве глупый обычай стоит счастья родной дочери? Разве можно продавать своих детей, как овец?

Вы должны простить меня, я был тогда еще очень маленький и многого не понимал. И подумать не мог, что можно заставить сделать что-то против воли и на это могут быть свои резоны. Для меня все происходящее было кошмаром, огромной всеобщей неразумностью. Как будто все вокруг вдруг сошли с ума и творят совсем сумасшедшие вещи.

Мою сестру на несколько мгновений оставили в покое. Фатима сидела в глубоком кресле с подвернутым подолом расшитой накидки в темной комнате одна. Я глядел на нее из-за занавеса, хотел подойти, сказать, чтобы она бежала из дома, попросилась бы к подруге или просто уехала. Я бы

отдал ей все свои деньги, которые копил на велосипед. Но тут мама позвала меня помочь на кухне. А может, она просто хотела держать меня под присмотром. Наверное, знала, что могу глупостей натворить. В тот день мне было не по себе. Не находил себе места – то беспричинно смеялся, то плакал, забившись в уголок. Отца старался избегать.

Где-то через час мы все услышали шум, доносившийся из большой комнаты. Мама всплеснула руками и побежала. Я увязался следом. Перед нами предстала ужасная картина. Отец громко ругался, моя сестра плакала. Она скатилась на пол в своем красивом платье, упрашивала отца не заставлять ее выходить замуж, цепляясь за край его брюк. Сурьма потекла, хна размазалась, отчего ее глаза стали еще больше и казалось, будто под ними черные круги – как у людей, находящихся при смерти. Отец отпихивал ее ногой. Потом ему надоело, он размахнулся и ударил Фатиму по лицу. Моя сестренка отпрянула, уперевшись спиной в кресло, потом опустила голову и замолчала. Мама бросилась к ней. Отец плюнул на пол, громко сказал, чтобы все готовились, и ушел.

Мои ноги как будто приросли к полу, глаза были широко распахнуты. Отец не очень много места занимал в нашем повседневном быту. Чаще всего мы не видели и не слышали его месяцами – он работал в другом городе. Злость клокочущей пеной поднималась из меня, чтобы хлынуть наружу. Меня трясло, как от холода. Я бледнел. И взрослый человек не смог бы сдерживать это вечно.

Я закричал так громко, как только мог. Я называл отца свиньей. Самое страшное ругательство, которое знал. Понесся за ним. Через анфилады комнат. Выбежал на улицу и увидел его стоящим рядом с родителями жениха. Я бросился на отца, как дикое животное, вцепился в его ногу и стал рвать ее зубами, бил кулачками по нему – по всему, до чего дотягивался. Долго это не могло продолжаться. Отец поднял меня к своему лицу, встряхнул и отшвырнул подальше с ругательствами, половину из которых я и понять-то толком не мог. Потом крикнул что-то моему старшему брату. Меня схватили Тахир и Исмаил, подняли на ноги и отнесли в чулан, где заперли. Я сопротивлялся, кусался, кричал, звал на помощь, вертелся так, что Исмаилу пришлось еще пару раз тряхнуть меня хорошенько. Помню, он тоже был не рад, шептал, чтобы я пришел в себя, потому что отец сегодня не в настроении. Как преступнику, мне уже было нечего терять. В чулане я долго еще кричал и бросался на дверь, потом усталость одолела меня. Через некоторое время понял, что все ушли без меня. Не увижу свадьбы, не увижу, как сестра опять будет плакать, не увижу, как отец потрет руки, будто дело сделано и сделка совершена: не продешевил, все как надо. Не помню, сколько плакал, лежа на полу в чулане, среди старых веников и банок. Наверное, заснул, потому что не услышал, как кто-то подошел и дверца отворилась. Помню только, как меня грубо выволакивают наружу. Это был отец. Он глядел на меня с тою победной ухмылкой, что я

представлял себе.

Потом приблизил свое лицо к моему и сказал:

– Не буду тебя бить, волчонок, но запомни: в этом доме всегда будет так, как я скажу, потому что только я знаю, как должно быть.

Он подтащил меня к окну и прижал к нему.

– Полюбуйся, как Фатима уходит в дом жениха. К нам теперь она будет приходить только в гости, да и то...

Он не добавил, что именно, но я понял, что некому теперь читать мне сказки по вечерам. Отец швырнул меня к тому самому креслу, где недавно плакала сестренка, и ушел, заложив руки за спину. Я смотрел ему вслед и мечтал о мести.

Когда засыпал в своей кровати, представлял, будто спасаю сестру из рук жениха и увожу ее в горы, где никто не сможет нас достать, где мы будем жить-поживать, а Фатима каждый вечер будет читать мне самые волшебные сказки.

Моя сестра долго собиралась к никаху. У нее было много времени, чтобы подумать и понять, что ничего сделать уже нельзя, чтобы надеть на голову косынку и больше никогда не снимать ее. Моя сестра долго собиралась к никаху...

Две татарские притчи

В электричке

Майя-апа с большой осторожностью переступила с перрона в электричку. Она уже давно все делала долго, основательно и с осторожностью. На Казанском вокзале, как и во всей Казани, было ранее утро. Первая электричка улыбалась свежими с ночи стеклами окон. Людей было немного, а те, что были, собрались в двух первых вагонах, как приличествует всем социальным существам. Майя-апа вошла одной из последних и заняла место у окна чуть в отдалении от всех. Через несколько мгновений, за пару минут до отхода поезда, к ней подсела еще одна женщина – как бы сказала Майя-апа, интеллигентного вида, а напротив устроилась мама с ребенком-подростком.

Электричка дернулась и поплыла по рельсам. Вокзал качался, как на волнах, и убегал все дальше и дальше. Люди друг на друга старались не смотреть. Так всегда бывает в первые мгновения совместных поездок, посиделок незнакомых людей, которые все же всегда и всюду стараются держаться вместе.

Майя-апа глядела на свои руки – маленькие руки маленькой татарской женщины – и вспоминала, как ее дочь как-то тянула ее за подол платья и громко просила купить ей квасу, а потом протягивала свои детские пальчики за стаканом, прихлебывала и хохотала, потому что квас «шевелится в жи-

вотике».

«Какие бы сейчас ручки у моей Неллечки были?» – думала Майя-апа и сжимала пальцы, стараясь скрыть даже от самой себя все их бессилие и всю их старость.

Мысли ее прервал мальчик. Он жаловался матери:

– Мама, пить хочу.

Майя-апа окинула мать с ребенком взглядом. Что-то странное было в их разговоре. Они смотрели друг на друга не отрываясь, и руки все время показывали какие-то знаки. Мать молчала. В ее глазах был испуг. В ее глазах была необходимость бежать без оглядки. Мальчик четко произносил слова и показывал, постоянно показывал пальчиком себе в рот.

– Пить.

Мать печально покачала головой.

Тогда Майя-апа порылась в своей хозяйственной сумке и вытащила оттуда бутылку с темным напитком. Это был квас. Хороший квас из бочки. Еще холодный. Бутылка без этикетки с запотевшими стенками.

– Возьми, – сказала бабушка.

Мальчик взял в руки бутылку, и через несколько секунд с квасом было покончено.

«Как же долго он пить хотел, бедняжка!» – думала Майя-апа и смотрела на эту парочку уже не отрываясь.

А паренек поставил бутылку на пол, поблагодарил бабушку и прижался к матери. И в этом жесте тоже было столько

всего бессильного.

– Вкусный квас, – сказал он.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросила Майя-апа, повинувшись какому-то скорбному чувству долга.

– Дима.

– А маму твою?

– Оля.

Мать мальчика, уже улыбаясь, слушала этот разговор, потом раскрытую ладонь приложила к груди, слегка наклонила голову и взглядом поблагодарила бабушку.

– Далеко едете? – спросила Майя-апа мать парня.

Та кивнула.

– За Арск?

– Кукморка! – крикнул мальчик и засмеялся.

Видимо, его веселило название деревни. А Майя-апа поняла, что ехать им еще долго, несколько часов. Ее билет стоил меньше пятидесяти рублей, а билет до Кукморки, должно быть, около сотни. Так Майя-апа все еще училась считать расстояние в рублях.

Еще через полчаса женщины разговорились. Мать закрывала уши и рот руками по очереди, что должно было означать: «Не слышу, не говорю», а мальчик объяснял, что мама его все понимает, главное – четко произносить слова и по возможности использовать язык жестов. Это было на удивление легко.

– А где ваш папа?

Глухонемая женщина сжимает руки, прикусывает губы и отворачивается.

– Он был плохой, – строго произносит мальчик.

– Бил? Хулиганил?

Кивок. Женщина машет рукой в сторону от себя и снова отворачивается: прогнали, значит.

– Что же делать теперь будете?

Женщина пожимает плечами и придвигает к себе сына, кладет руку ему на голову. Жить будут, значит.

В вагон входит кондуктор. Начинается процедура проверки билетов. Обычно в такой ситуации настораживаются все, даже те, у кого билет есть. На некоторое время затихают начавшиеся было разговоры, люди хмурятся, отодвигаются друг от друга и начинают судорожно доставать из карманов и кошельков билеты или деньги для оплаты. Затих разговор и в этом углу. Женщины зажали в руках бумажки и стали ждать, когда их проверят и кондуктор взглядом патологоанатома оценит внешний вид каждого пассажира. Вскоре подошла грузная женщина – как полагается, с чрезвычайно неприятливым лицом. Она неподвижно и немо стала напротив сидений и сложила руки крест-накрест на груди. Поза загробного судии.

Майя-апа и сидящая с нею рядом женщина так же молча и не глядя ни на кого показали свои билеты.

Кондуктор перевела взор на мать с ребенком. Глухонемая достала из кармана билетик.

– А у ребенка билет есть? – раздался резкий голос кондуктора.

Мать покачала головой: «Нет билета».

– Оплатите тогда за него, – начала нервничать кондуктор. Женщина терла друг о друга большой и указательный пальцы обеих рук и делала отрицательный жест: «Нет денег».

– Нет уж. Оплатите за проезд немедленно.

Глухонемая качает головой и пожимает плечами.

– Вы что же, думаете, раз глухонемая, так теперь за проезд и платить не нужно? Может, мне вас пожалеть еще? Меня бы кто пожалел! – кондуктор щурила глаза и зло ухмылялась, напирала всем телом на женщину с ребенком.

В вагоне многие почувствовали себя неудобно, отводили глаза или, наоборот, смотрели пристально. Майя-апа ощутила, как кровь ударила ей в голову, как руки сжались, как ярко-красный гнев поднялся откуда-то из глубины. При ней унижали человека, мать с ребенком, – это было выше ее сил.

Женщина «интеллигентного вида», что сидела рядом, поднялась и прямо посмотрела на кондуктора:

– Уходите. Не видите, что вы и так натворили дел? Раньше фашисты над нами издевались – а теперь вы?! Уходите отсюда!

– Как вам не стыдно? – тихо спросил старичок, сидящий напротив через проход.

Кондуктор махнула рукой и ушла. Почла за благо не связываться с вагоном филантропов (никто из которых, правда,

за мальчика не заплатил).

Глухонемая долго нервничала, потирала руки, ломала пальцы, смотрела на сидящих вокруг людей с болью и пыталась что-то сказать, но ее уже никто не понимал. Пассажиры успокоились. Майя-апа, которой скоро надо было выходить, гладила мать по колену и успокаивала ее: «Она ушла, эта женщина... ушла... не переживай».

Мальчик все это время сидел испуганно вжавшись в угол, как будто думал, что сейчас придут люди в форме и выкинут его из вагона, выбросят, как вещь, которой не положено быть на этом месте.

Пустая бутылка из-под кваса перекатывалась между сиденьями, но ее никто не спешил поднимать.

Майя-апа достала из кошелька все деньги, что были у нее с собой, – около тридцати рублей (до пенсии еще неделя, в деревне хоть на огурцах и помидорах с огорода проживет как-нибудь) – и отдала их мальчику:

– На, купи себе еще такого вкусного квасу, Дима! И ничего не бойся, слышишь?!

Мальчик опустил глаза.

Когда бабушка пришла домой со станции, у нее опять начался тик на левом глазу. От него дергалась почти вся левая сторона лица и рот кривило страшной гримасой. Хорошо, хоть не в электричке началось. Майя-апа закрывала лицо рукой, но тик все равно было заметно. Она упала на кровать в белой комнате на веранде и заплакала.

Не от мира сего

Можно ли доверять себе на границе между сном и явью? Можно ли всерьез воспринимать то, что видишь в полусне? Для меня в шесть лет это не было вопросом веры. Но и думать не думалось. Когда-то все казалось таким простым. Я чувствую – значит, существую.

Кошмар приснился, конечно же, где-то между первым и вторым часом ночи, когда все возможные чудовища выползают из всех возможных щелей, а разум становится удивительно тонок и проницаем. Обычно детей это касается в первую очередь. И успокоить их может, наверное, только сочувствующий взрослый. Поэтому и я всегда в случае ночного кошмара шлепала босиком в спальню родителей. Вдруг помогут. Правда, в итоге все равно оставалась одна. Отец на смене, мама смотрит индийский многосерийный фильм. Приглушенные звуки долетают в полутьму и не успокаивают совсем. На смежной с кроватью стене висит картинка. На ней темноволосая женщина в красном. Картинка бугрится и вздувается под действием сквозняка. Еще чуть-чуть, и женщина повернется. Еще немного, и вылезет наружу. И что тогда со мной сделает? Что? Закрываю глаза, не смотрю в тот угол, но не могу уснуть. Красное платье колышется, прическа вспыхивает пламенем, глаза женщины становятся все насмешливей. Страшно до невозможности пошевелить-

ся и закричать. В конце концов начинает казаться, что сплю.

Смотрю на дверь балкона, по бокам которой свисают связки лука в капроновых чулках. Не люблю эти связки. Они некрасивые. Все это гадкое: мамины красные лаковые сапоги, что стоят рядом со шкафом, не убранные с вечера, советское трюмо на три зеркала, грубое, с отлипающей по краям кромкой, мамины духи со змеями на флаконе, лук в чулках и папины картинки. Гадкое, неправильное, некрасивое, вызывающее нестерпимое желание убрать, порвать, выбросить или самой убежать и выброситься. Мне физически плохо от этих вещей. Не могу встать с кровати, но представляю в полусне-полубреду, как встаю, крадусь к двери, подальше от картинки с красной женщиной, и подсматриваю в щелочку – в телевизоре мелькают сценки из индийского фильма (на этот раз раджа добрый или злой?) и звучит громкая музыка, и мама сидит спиной ко мне в кресле. Это значило бы, что все хорошо, что меня есть кому защитить. Но лежу в кровати, и все еще кажется, что в кромешной темноте тьма сгущается, образует комочки, из которых возникают сны. Ко мне все ближе подбирается взгляд женщины в красном. Ко мне все ближе подплывает тьма. Засыпаю.

Просыпаюсь в постели родителей. Они уже спят рядом. А я проползаю под одеялом и становлюсь босыми ногами на ковер. И подхожу к зеркалу. Одна створка трюмо повернута в мою сторону. На темной его поверхности появляются мутные разводы – как если бы мама мыла стекла, но забыла

протереть скомканной газетой. Нечетко, плохо, но я вижу: внутри что-то растет. Белое и туманное. Оно заполняет все зеркало и пространство вокруг меня. Смотрю не отрываясь. Это женщина. Без лица.

Нет объяснения страху. Нет ему названия. Нет для него оправдания и клетки тоже нет.

Этим летом решила съездить на родину в Казань. Дедушка и бабушка давно уже приглашали к себе. Да и я вспоминала детство, колорадских жуков на огороде, старые книги, мультики, которые нам разрешали смотреть безостановочно, татарскую выпечку, татарских детей, которые называли меня русской уродиной, и улочки, от которых в памяти остался свой особый след, особый запах... Это как входить в дом, где ты до этого никогда не был, и тут же понимать, что так пахло где-то далеко-далеко, в каком-то закоулке твоей памяти.

Давани и давати почти не изменились. Бабушка так же носится вокруг и кудахчет, заставляет есть все, что не приколочено, плачет над старыми фотографиями и ворчит на дедушку, а дедушка все так же изображает деятельный вид и, когда ничего не делает, носит эти дурацкие жилетки, в которых «зато много карманов», копается в гараже с кучей металлолома, заставляет заниматься спортом и тихонько посмеивается над бабушкой.

Пару дней бездельничаем, гуляем, мне показывают заново все те места, что я когда-то должна была непременно видеть. Но вскоре давани и давати вспоминают, что в деревне

не копано, дождя нет, а значит, надо поливать вручную, надо косить и корчевать лопухи, рвать сорняки и вообще. Все эти дела на огородах, дачах, садовых участках навсегда останутся недоступной роскошью, потому что в детстве я только пилила вместе с дедом дрова (больше мешалась, конечно), отрезала усики у клубники (чтобы первой сорвать с куста самую вкусную ягоду) и собирала колорадских жуков (мне они казались смешными). А теперь, когда так редко навещаюсь в Казань, дедушка и бабушка вовсе перестали давать мне работу в саду.

Интересно, как там мои знакомые старушки? Все такие же сплетницы? Скамеечки никогда не меняются. Меняются старушки на них и окружающий ландшафт.

Через несколько минут после нашего приезда вся деревня уже знает, что к Бикташевым наконец-то пожаловала внучка («Давно пора! Что они там в своих городах думают?»), выпускница, ходит вокруг и все фотографирует. Еще через несколько минут бабушка уже ведет меня по соседям – показать, похвастаться и посплетничать о других, конечно. Ах, эти татарские деревни! Где на татарском говорят меньше, чем на русском, но татар больше, чем русских! Ах, эта деревенская вольность, где нельзя убежать от соседей, подсматривающих за тобой в маленькие окна. У меня теория. Думаю, в деревянных домах окна не потому маленькие, что в древности берегли тепло, а потому, что хотели осложнить сплетникам работу.

В доме напротив, выкрашенном всегдашнею ярко-голубой краской, живет старушка, породнившаяся в свое время чуть не со всей деревней: то кум, то брат, то сват. Дочка в одном конце, на выезде, сын в другом, на кромке кукурузного поля. Она одна знает все и про всех. И на ее-то скамейке собирается по вечерам народ потолковать да посудачить. Усаживаюсь на траву. У этого дома чудная трава, мягкая и зеленая. Можно валяться на ней и смотреть в синее небо. А я сижу. Напротив на скамейке бабушка и старушка-соседка. Меня обсуждают, как водится. Редкие вопросы задают. Да пускай – не жалко. Потом еще одна соседка подходит. С рынка возвращается. Тележку катит с привязанным пустым ведром (да в ведре – перчатки и пакет, чтобы уж вовсе пустым не было). А за нею – пьяный муж. Со старушками шутки шутит. Правда, никто не смеется. Шутки-то и с бородой, и с душком. Судачат, значит.

– А мой-то зятек что учинил давеча! Дочка в городе. Сына родила. Так он неделю празднует. Машину на днях в реке утопил да сам чуть не покалечился. Сегодня еле с кровати сполз. Надо ж навестить съездить. Герой!

– А внучка у Гали?.. Знаете, приезжала в прошлом месяце. Со всей родней переругалась. Из техникума выгнали. Экзамены не сдала, что ль. Вот крик стоял! Орет, упирается, что, мол, замуж выходит, и все тут. Родители ее и ремнем-то уж... а что тут сделаешь?

– Непутевые.

Так мы оказываемся в курсе всех последних деревенских новостей. Это как посмотреть вечернее ток-шоу – так же немножко стыдно, иногда хочется заткнуть уши.

Мимо проходит дядька, немолодой, конечно, но и не совсем древний, а какой-то обесцвеченный. Вроде как и не посмотреть нельзя, и смотреть неловко. Да и заговаривать с ним никто не торопится. Он молчит. Смотрит прямо перед собой, а что видит там, впереди, – кто его знает. Бабушки вслед только головы поворачивают. Обсудить бы, да ухватиться не за что.

– Из городу приехал опять. Жена, небось, выгнала, – ерничает кто-то.

– А кто это? – спрашиваю я, без интереса впрочем.

– Да что уж... человек.

Когда же мы с бабушкой обошли всех соседей (ну или тех соседей, с которыми бабушка более-менее была дружна), пришло время сходить в баню. После этого мы поужинали и разбрелись по кроватям. Телевизор в этот день показывал плохо (классические три канала: первый, второй и «Культура»). Поэтому мы просто разговаривали до темноты. О давней давности, о планах, деревне и работе в саду, о разной степени кислотности родственниках, пока дедушка не вступил в разговор. А он, если уж начинает говорить, сам ну никак не остановится. Приготовилась к затертым историям и скуке, но давани удивил. Давани подначила его, упомянув того странного соседа, что мы видели еще днем.

– А... Ленька. Странный он, кызым. Ну не знаю, как это... как это будет, когда говорят, что человек странный, непонятный? Да слова-то все какие знает! Да и ведет себя так, что иной раз не поймешь, живой он или с луны свалился. Вот как это?

– Не от мира сего.

– Точно. Вот такой он – наш сосед Ленька. Мы с ним зимой больно сдружились. Потому как из мужиков в деревне зимой только я да он. У него семья-то в Казани вся. Жена там, дети. Взрослые уже, со своими семьями. А квартира одна на всех. Тесно больно-то. Жена всю плешь проела. Да и выселили его на кухню. Там и спит на лавке. Занозы в одно место сажает. Кому понравится, когда все время зубоскалят, из дому гонят, хоть на улице живи? Ну он с осени до ранней весны все в деревне. И летом наезжает. Здесь хоть дом есть. Спрашиваю его, чего, мол, бесишься, старый? А он знаешь что? «Свобода, – говорит. – Здесь свобода полнейшая». Он с утра встает – да в лес, или в поле, или на реку пойдет рыбачить. Еще рано-рано, а он уже где-то шляется. Так, бывает, и до свету встает – и гулять. Я бы понял еще, если б работал, в огороде там, по делам всяким, дык нет – гуляет, красотами любуется. Право чудак. Как ты говоришь? Не от мира сего. А весной мне что сделал?! Стоим на огороде разговариваем о том о сем. Ну я и упомянул, что яблоню давно возле ограды спилить хочу – большая вымахала, а толку чуть, и яблок нет, и мешается. Да что-то отвернулся, в дом зашел, за си-

гаретами вроде. Возвращаюсь, а он в руках яблоню держит (ствол с мою ногу в объёме) да улыбается. Сломал, значит. Раскачал и выломал, да чуть не с корнем. А меня-то и трех секунд как не было. Вот силища-то! Спрашивает: «Эту яблоню ты имел в виду, Борис?» Поклал мне ее к забору и пошел по своим делам.

Так и спать легли на этой истории. Но у всякой истории свой конец бывает... конец или окончание... или просто что-то такое, от чего не отвертеться.

На другой день мы с бабушкой на реку ушли. Покупались. Людей никого не встретили.

Вернулись. Давани опять по соседкам пошла, огородную работу на вечер оставила, чтобы не припекало. А я двинула к заднему крыльцу – посидеть на солнышке, цыплят посчитать.

Слышу: дедушкин громкий голос. Говорит с кем-то, а с кем говорит – не слышно. Смотрю – за калиткой у заднего крыльца на большом сухом бревне дед и свалившийся с луны сосед сидят. Беседуют. Подхожу поближе, прячусь за угол дома. При мне бы они разговаривать не стали, а историю до конца вызнаться охота.

Сначала дедушка с ухмылкой:

– Вчера прозвище тебе придумал. Не от мира сего. Ну как?

Сосед отвечает тихо, но внятно:

– Знаю, Борис, смеешься ты надо мной. Я не в обиде. Я

сам над собой смеюсь. Дурацкая жизнь какая-то... да для дурака, одним словом. Не будь дураком, жизни бы не было. Не с кем поговорить об этом, вот тебе и расскажу, а то ведь надо же кому-то. Чувствую – надо. Недели две назад это было... что-то не спалось мне... вечером вышел на улицу, иду, полдеревни прошел, наконец возле заброшки, там, где наследники все никак имущество не поделают, остановился. Не знаю почему. Стою, думаю. Все о жизни своей странной, поганой. Плевать хочется. Горько. Да кошмары подбираются, как в детстве, когда не знаешь, что такое с тобой, но тревожно, и все вокруг точно голос обретает, и слух, и когти, и острые зубы, и противно все и страшно. Стою я так посередине улицы, на шину смотрю, на грязь, на дохлую птицу в канаве, на заколоченные окна. Тошно. И тут на дорогу пятно упало, белесое такое. Я глаза вверх поднял, а передо мной – туман. Белым-бело, да мутное что-то. У меня с глазами, знаешь, плохо в последнее время. Думаю, что совсем сдавать начал да дело под вечер. А потом кто-то появился рядом. Женщина, белая-белая, прямо передо мной. И лица на ней нет. И самой ее как будто тоже нет. Не вижу, а больше чувствую, что рядом она. Знаю, что рядом. И остолбенел. И стою. И смотрю на нее. И перед глазами только белое и белое, и белое на еще большем белом, и контуры чего-то белого. Мешанина ватная, хлопчатобумажная. Я руками машу – и разогнать не могу. И крикнуть не могу. И стою, и стою... А потом как-то резко кончилось. Ну я домой по-

шел. Лег спать. Уснул сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.